Марина
СЕРОВА

Кровавый Новый год

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова

Кровавый Новый год

Серия «Русский бестселлер»

Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74770456
Марина Сергеевна Серова "Кровавый Новый год": ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2027
ISBN 978-5-04-252787-6

Аннотация

Татьяна Иванова, частный детектив и бывший оперативник, наконец готовится встретить Новый год не на дежурстве, а с любимым человеком – хирургом Прохором. Праздничный стол накрыт, елка наряжена, платье выбрано – но жених не приходит. А когда в подъезде раздается крик соседки, Таня находит Прохора истекающим кровью на лестничной клетке. Пока Прохор на больничной койке борется за жизнь, а список подозреваемых растет, на сцене появляется настоящий кукловод: некто, одержимый жаждой мести. Тане предстоит распутать клубок из старых грехов, чужих тайн и одной чудовищной, тщательно спланированной ненависти, прежде чем убийца доведет дело до конца.

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Марина Серова
Кровавый Новый год

Редактор серии Л. Латышова.
Художественный редактор С. Курбатов.

© Серова М. С., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Глава 1

В преддверии Нового года любимый Тарасов особенно красив. Весь украшен огоньками, на центральной площади огромная ель, усыпанная гирляндами и игрушками, детвора с родителями приходят посмотреть, пофотографироваться. Витрины торговых центров зазывают разноцветной блестящей мишурой. А народ в это время будто с ума сходит, все носятся с выпученными глазами, закупают провизию для новогоднего стола огромными тележками. Я смеюсь всегда, как будто год не ели. В каждой семье уже есть план, кто и где будет отмечать этот чудесный волшебный праздник.

Этот Новый год и для меня обещал быть особенным. Ведь раньше как было? То в новогоднюю ночь на дежурстве, то какие-то приключения, связанные с очередным расследованием. Пару раз у Кири в гостях встречала. Но это тоже не то. Как ни крути, у него своя семья, и я там лишняя, хоть и лучший друг.

Но теперь ко мне должен был прийти Проша, мало того, обещал устроить какой-то сюрприз! Все-таки это очень романтично – встретить Новый год с любимым. Тем более что сын его отпросился ночевать у друзей, там намечалась подростковая туса! Но под присмотром взрослых.

И я, включив музыку громче, драила квартиру, так старалась, даже шкаф и кровать отодвинула, чтобы выгрести горы

пыли, что на меня было совершенно не похоже. Вскоре все сияло чистотой, прямо как у мамы когда-то.

А потом я наряжала елку. Достала с антресолей. Ее еще папа покупал, такая пушистая, припорошенная инеем. Стала распаковывать игрушки, бережно завернутые любимой мамочкой в газету. Вот стеклянный заяц, а вот клоун в смешной шапке и тяжелая расписная шишка ручной работы – это, видимо, еще маминой молодости игрушка, сейчас таких не делают. Любимый Дед Мороз из моего детства с потрепанной бородой, в выгоревшей, когда-то ярко-красной шубе и с посохом. Я помню щенячий восторг, когда он громко произносил: «С Новым годом!» Это казалось какой-то магией. И такая ностальгия накатила. Перед глазами тут же всплыли счастливые эпизоды детства. Когда папа наряжает елку со мной, водрузить остроконечную звезду на верхушку – дело особенно важное. Папа сажает меня на шею, и я изо всех сил тянусь, чтобы достать. Радуюсь, как красиво получилось. Мама режет оливье, разливает холодец, а по телевизору идет неизменный фильм «Ирония судьбы». А я бегаю вокруг стола и выпрашиваю шоколадные конфеты и мандарины. Смешу папу, корчу ему рожицы, и он мне в ответ, пока мама не видит, и тайком сует мне в кулачок конфетку. И так хорошо на душе было, так легко, ждешь подарков, мечтаешь, принесет ли Дед Мороз то, что просила? Радуешься мандаринам и конфетам, мечтаешь о роликах и лыжах.

А один раз, когда мне было лет пять, папа нарядился Де-

дом Морозом, так хорошо меня поздравлял, стихами и скороговорками, вручил подарок из большого мешка. Родители очень готовились, а я сначала рассказала заученный стишок, потом взяла и выдала:

– А это не настоящий Дед Мороз, это мой папочка. Потому что у Деда Мороза валенки, а не ботинки «Саламандр»!

Долго потом все смеялись и вспоминали эту историю. Эх, как же хорошо было в детстве – ни забот, ни хлопот.

Я вздохнула, тряхнула головой и продолжила уборку. Настроение было приподнятым, я уже представляла, как мы с Прошей будем пить шампанское под бой курантов, смотреть «Новогодний огонек», а потом любить друг друга. Я даже новый комплект атласного постельного белья застелила.

Мы договаривались, что Прохор придет к девяти. Стол уже у меня был накрыт. В этот раз я расстаралась: селедочка под шубой, оливье, крабовый салатик и еще один новомодный с ананасами. В центре источала невероятные запахи запеченная в духовке румяная индейка. Я прихорашивалась у зеркала, решила надеть красивое платье с открытой спиной, прическу сделала, накрутила локоны. С нетерпением уже ждала своего кавалера, есть хотелось невыносимо! Сама себе улыбалась, прямо как та самая Надя из «Иронии судьбы» – ждала с нетерпением своего Ипполита.

Однако прошел час, а Прохора все не было! Настроение стало катастрофически падать. Это казалось мне невероятным свинством, такого раньше никогда не случалось. Про-

хор вообще очень пунктуальный. Я сто раз набирала его номер, но он не брал трубку! Это еще больше меня возмутило! Как это вообще понимать? Я стала писать ему гневные СМС, меня просто колотило. Вот уже почти полночь, а я одна! Так было обидно. Стали бить куранты, за окном раздался фейерверк, радостное: «Ура!» По телевизору звон бокалов, артисты все друг друга поздравляют. А я ревела как белуга и пила шампанское залпом из горлышка. Звонила Ленка, Света, а я не брала трубку! Что им ответить? У Светки семья, Ленка – и то гостей привечает. Звала же в гости, а я отказалась, дура, решила с любимым побыть наедине! Вот тебе и устроила романтик! Кто бы знал, что Прохор мне такую свинью подложит!

На душе было так гадко, тушь поплыла, щипала глаза, а я все думала: «Как же Прохор так мог? Неужели у него появилась другая? Такие планы были, у всех праздник, а я одна, как дура, никому не нужна!» Градусы быстро ударили в голову, меня развезло, и на смену обиде пришла злость. Я решила пойти на елку, на площадь, и стала искать во что переодеться, пошатываясь. Хоть посмотрю, как люди радуются, веселятся! И пошел он, этот Прохор, тоже мне жених!

И тут на весь подъезд послышался леденящий душу женский вопль! У меня даже внутри все оборвалось. Я тут же пулей вылетела из квартиры и просто остолбенела! На лестничном пролете лежал Прохор, на вид совсем не живой, а под ним растекалась лужа крови. Рядом валялся большой па-

кет, а по ступеням рассыпались апельсины.

Соседка, тетя Катя, орала, как будто и ее зарезали:

– Таня! Господи, это же твой! Что творится! Убили! Человека убили! Мамочки!

Это казалось нелепицей, кошмаром! Выходит, пока я в квартире лила крокодильи слезы, Прохора тут убивали, а я, дура такая, и не додумалась выйти посмотреть! Еще и его во всех смертных грехах мысленно обвиняла! Я кинулась к жениху, пощупала пульс – есть, хоть и очень слабый! Стала звонить в скорую, полицию, орала:

– Помогите! Человека зарезали! Быстрее приезжайте!

А потом трясла Прошу, ревела и причитала:

– Миленький, очнись, приди в сознание, прошу тебя! Не умирай, я этого не переживу! Кто тебя так? За что? Ты же в жизни мухи не обидел!

Я вообще была не в себе, когда меня оттаскивали от Прохора, плохо помню, как его увезли, как у меня в квартире снимали отпечатки пальцев, как я давала показания сквозь рыдания. До меня не доходило, в чем меня обвиняют:

– Гражданка Иванова, вы сами подтверждаете, что тяжело раненный гражданин Ковалев – ваш жених. И что он шел именно к вам в квартиру с целью отпраздновать Новый год. Так?

Я тупо кивала, голова раскалывалась, а глаза опухли от слез.

Следователь гнул свое:

– В итоге именно вы нашли своего жениха с ножевым ранением в подъезде. Вернее, нашла ваша соседка, закричала, и вы тут же моментально выскочили, как будто ждали такого развития событий. Так? В телефоне потерпевшего очень много пропущенных звонков от вас и СМС с угрозами! Вы обвиняли жениха в неверности и грозили ему самыми страшными карами. Больше, заметьте, ни от кого никаких звонков не было.

А теперь вы мне тут строите невинную овечку и говорите, что не знаете, кто покушался на жизнь хирурга? Так вы, наверное, даже скорее всего! Узнали про измену жениха, накрутили себя. Поссорились и на эмоциях пырнули жениха в бок! Признавайтесь, куда дели колющее оружие? Которым пытались убить жениха? Тут же чистая классика, все как по писаному. И расследовать нечего. Не хватает только вашего чистосердечного признания. Да, натворили вы дел, Татьяна. Так что собирайтесь, вы задержаны по подозрению в покушении на жизнь Ковалева Прохора Игнатьевича.

У меня случилась истерика:

– Как задержана? Это неудачная шутка такая? Вы что, реально меня подозреваете? То есть я, по-вашему, настолько тупая дура, что пырнула жениха, а потом сама же всех вас вызвала? Чтобы вы меня посадили? Где логика?

Следователь усмехнулся:

– Скорее всего, вы действовали в состоянии аффекта. Вы и сейчас не в себе. Судя по пустой бутылке шампанского, вы

ее выпили, от вас сильно разит, плюс гнев – это, знаете ли, гремучая смесь.

У женщин вообще с логикой туго, а у обиженных где вы ее видели? В моей практике и не такое встречалось. Недавно вот тихая, спокойная, положительная женщина – педагог, между прочим, – забила насмерть мужа сковородой. Нанесла сорок пять ударов, двадцать из них посмертно. А потом так же тихо объяснила, что накипело. Так-с, не будем терять время, едем в отдел. Посидите в СИЗО до выяснения всех обстоятельств. Если выяснится в ходе следствия, что вы невиновны, то вас отпустят. Ну не мне вам объяснять процедуру, сами в нашей системе работали.

Я понимала: спорить именно сейчас бесполезно. Меня застали на месте преступления, руки перепачканы кровью Прохора, и пока других подозреваемых, кроме меня, в деле не появится, я останусь под стражей! Убивало только одно: их и не появится там никогда, если я сама не стану копать и искать настоящего нападавшего! Я слишком хорошо знала нашу систему: проще закрыть дело, если все на поверхности, чем пытаться найти то, чего как будто нет. Так как дел этих выше крыши, а начальство требует выполнения плана.

Я выпросила один звонок, очень хотелось позвонить Кире, попросить помощи. Но я сделала другой выбор и набрала Стаса, сына Прохора, еле выдавила из себя срывающимся голосом:

– Стас, это Татьяна, твой папа в больнице, записывай ад-

рес! Сообщи кому-то из родственников! Ему сейчас очень помощь нужна.

Мальчик, видно, опешил, музыка на заднем фоне стихла, и он затараторил:

– Как в больнице? Почему? Его на смену вызывали? Он же уходил к вам, Новый год отмечать! Все же нормально было. Что случилось?

Охранник делал мне страшные знаки, мол, заканчивай! Я только успела сказать:

– Не могу больше говорить, прости. Прохор тяжело ранен! Держись, Стас!

Фух, ну теперь хоть сын Прохора знает, что с отцом. Кажется, у них есть бабушка, мать Прохора, надеюсь, она сможет навещать его, пока я тут торчу! Черт побери, как все ужасно складывается! Вот так Новый год! Это только я могу в такую переделку попасть! Как бы еще Кире сообщить… Он, конечно, скоро и сам узнает, но лучше бы раньше. А то проторчу тут все праздники запросто. Я пыталась уговорить охранника еще раз дать мне телефон, но он был непреклонен. Время тянулось как резиновое! В камере было сыро, и я жутко замерзла. Меня колотило – то ли от холода, то ли от стресса! Я ведь была в таком шоке, что даже переодеться не успела. Пальто лишь сверху накинула. И теперь ежилась, сидя на грязном матрасе в вечернем тонюсеньком платье с открытой спиной и в капроновых колготках. Видок как у потрепанной проститутки. Но мне в тот момент было все

равно. Снова накатило, и я тихо подвывала, мне так жалко было Прохора, а если не выживет? Он так и не пришел в себя, когда его увозили, и был белый, как простыня. Как я его сыну в глаза буду смотреть, если он умрет. Да я себе этого никогда не прощу. Кто и за что его пырнул ножом? Ведь он уважаемый в городе врач-хирург, никому ничего плохого не делал, наоборот, жизни спасает. А со мною что будет? Если не найдут никаких других отпечатков, могут и дело пришить. Только этого не хватало. Провести ближайшие годы в тюрьме никак не входило в мои планы. Я всегда боялась этого места. Если приходилось беседовать с заключенными, для меня это было непростым испытанием. Тут сама атмосфера тяжелая, невыносимая.

Я не спала всю ночь, да и как уснешь в таких условиях и обстоятельствах. Утром меня снова вызвали на допрос. И снова мурыжили по кругу, пытаясь добиться от меня признаний. А я сто двадцать пятый раз, как робот, безжизненным голосом повторяла:

– Я никого не убивала и не знаю, кто покушался на Прохора. И сама в полном ужасе от того, что происходит. Мы теряем время, пока вы меня тут маринуете, настоящий убийца скроется или заметет следы. Вы проверили отпечатки? Есть какие-то зацепки?

Следователь вспылил:

– Вы еще поучите меня тут работать! Я понимаю: отец известная личность, вы тоже частный сыщик. Но и мы тут не

лаптем щи хлебаем! Без вас, гражданка Иванова, как-нибудь разберемся, где нам зацепки искать!

Мне не привыкать было такое слышать, да и потом я была измотана морально и физически до предела и никак не прореагировала на его выпад, просто сидела, покачивалась методично на стуле и молчала.

И тут дверь кабинета открылась, и влетел Киря. Глянул на меня:

– Мать честная! Не врали, значит. Точно ты! Мне с утра уже сообщили! Почему сама не позвонила? Так, Баранов, я за эту гражданку головой ручаюсь, оформим ей подписку о невыезде, залог я внесу. Я ее забираю. Я точно говорю, убийца не она. И докажу это. А дамочка будет сидеть дома тихо, как мышка, и не высовываться! Да, Танюша? Ну и влипла ты в историю, как только умудрилась в Новый год!

Я кивала и с такой радостью и облегчением смотрела на Кирю, он реально сейчас меня спасал! Оформил все как положено, и мы вышли на улицу. Только там уже я не выдержала и снова разревелась у него на плече:

– Спасибо тебе, Киря! Как же я рада тебя видеть! Я никого не убивала, хоть ты мне веришь? Первый раз в жизни в такое вляпалась! До сих пор не могу осознать весь этот ужас. Одно дело, когда ты расследуешь чужие дела, а другое, когда сам в этой шкуре оказался. Как Прохор? Я должна его навестить! Он жив? Пришел в себя? Отвези меня в больницу, умоляю! Я очень виновата перед ним, я должна сказать, что ни в чем

не виновата! Может, он видел нападавшего! Его показания меня спасут!

Киря гладил меня по голове, как маленькую:

– Ну все, Иванова, ты чего расклеилась? Ну и запашок от тебя, не фонтан! Ну куда ты поедешь? На себя посмотри. Горе ты мое луковое. Еле на ногах стоит, а рвется в бой. Так, едем мы к тебе домой. Я звоню знакомому врачу, он приедет к тебе, осмотрит. Мне не нравится твое состояние. По-моему, ты сильно заболела. Вон тебя как мотает. И не вздумай трепыхаться. Я за тебя поручился, станешь фокусничать – меня подставишь. Знаю, чем тебе помочь, садись в машину, я мигом!

Пока я пристегивалась, Киря принес стаканчик кофе из автомата, я слабо улыбнулась сквозь слезы:

– Спасибо, ты самый лучший в мире друг…

Дома я первейшим делом побрела в душ, долго отмывалась, запах камеры, казалось, въелся в кожу. Только вышла, приехал доктор. Это был приятный улыбчивый седо-власый господин с аккуратной бородкой. Вылитый доктор Айболит из сказки. Мне и правда становилось все хуже. То ли после горячей воды так разморило, то ли все же простыла – теперь я горела, так жарко было! Сознание то и дело куда-то уплывало и мутилось.

Он измерил температуру, послушал легкие, покачал головой:

– Странно, легкие чистые, горло тоже, насморка нет, а

температура зашкаливает. Скорее всего, это психосоматика, реакция организма на сильнейший стресс. Я сейчас уколю жаропонижающее и снотворное с успокоительным, пусть поспит. Должно отпустить. Но если нет, звоните. Будем еще обследовать. Поправляйтесь, милая, всего вам хорошего.

Киря кивал, благодарил, сунул ему денег, а мои веки все тяжелели… Реальность размывалась, и так легко, так хорошо становилось. И я провалилась наконец в сон…

Проснулась, не поняла сначала, день или ночь, в комнате полумрак, а на кухне телевизор работает и стучит кто-то. Чайник шумит. Голова немного болела, но хоть колотить перестало. Я встала, надела халат, вышла в кухню и обалдела! Там наворачивал мою индейку с салатиками Андрей! Мой друг из органов! Я растерялась, запахнула полы, лепетала:

– Привет, а ты как здесь? Не ожидала, если честно, тебя на своей кухне встретить!

Андрей тоже немного смутился:

– Прости, если напугал. Если что, я ничего не видел. Но вообще, фигурка отпад! Готовишь, оказывается, отлично! А говорила, что не любишь это дело! Мясо просто объедение! Ты уж прости, что я без спроса тут хозяйничаю, но Киря велел за тобой присматривать. А я со смены, голодный как волк. Ну ты даешь, Танюша! Как тебя угораздило в такой переплет попасть? Ну садись, расскажи все по порядку, как было. Будем думать, как тебя из этой попы вытаскивать!

Я отхлебнула горячий сладкий чай, заботливо приготов-

ленный другом, и стала все ему как на духу рассказывать, снова разревелась. Умоляла:

– Андрюша, ну отвези меня в больницу, туда и обратно, на минутку. Я должна знать, что с Прохором. Стас трубку не берет. А вдруг не выжил? Я тогда вообще не знаю, как пацану в глаза смотреть! Так мне жалко Прошу! За что он пострадал? Ведь такая профессия благородная, людям жизни спасает. Кому он помешал?

Друг ответил:

– Так, успокойся, хватит себя терзать и наматывать сопли на кулак! Я тебя не узнаю прямо. Сейчас позвоним в отделение и узнаем, жив ли пациент.

Андрей долго дозванивался, его кидали с одного номера на другой, все как обычно, но наконец удалось-таки выяснить, что Прохор жив, но в очень тяжелом состоянии, в реанимации.

Я выдохнула немного: пока жив, есть на-дежда! Даже аппетит появился. И все равно я рвалась в больницу:

– Мне надо с врачом поговорить, может, Прохору какие лекарства нужны? Какие перспективы узнать. Со Стасом поговорить. Ну отвези меня, прошу! Неужели ты не понимаешь, как для меня это важно? А еще друг называется…

Андрей вспылил:

– Что ты все в одну кучу свалила! Мне Киря башку открутит, если узнает! Он сказал следить, чтоб ты из дома никуда! Ну не смотри на меня как на предателя, завтра съездим

утром, обещаю. Только быстро – туда и обратно. Что тебе это даст? Ты Прохору не родственница, не жена, тебя все равно не пустят в реанимацию. Но разве тебя переубедишь? Поешь немного, а то на тебе лица нет. Давай лучше помозгуем, с чего начать собственное расследование. Я с завтрашнего дня официально в отпуске. Буду твоя нянька и телохранитель в одном лице. Придется терпеть. Так что думай, где я буду сегодня ночевать! Учти, раскладушка меня не устроит. С моим ростом это мучение.

Я обалдела и нахмурилась:

– Это что еще за новости? Ты что же, жить у меня будешь? Ну уж нет! Спасибо, конечно, за помощь, я очень благодарна. Но это лишнее. И ночевать ты отправишься к себе домой! Причем прямо сейчас! А завтра утром мы поедем в больницу! Я не психбольная и не преступница, чтобы ко мне няньку приставлять.

Андрей погрустнел, расстроился, сопел и молча собирался. Да и мне неловко стало, явно перегнула палку. Что за дурацкий характер. Я попыталась сгладить неприятный момент:

– Ну прости, я не хотела тебя обидеть! Но и меня пойми, как мы будем жить вместе в одной квартире, зачем? В гости приходи, когда хочешь, я всегда рада, ты же знаешь. Но вы уж с Кирей слишком взялись меня опекать. Это лишнее. Тебе салатик с собой положить?

Я протянула мизинец, чтобы помириться. Это наша дав-

няя традиция. Андрей протянул свой, проворчал:

– Никогда ты замуж не выйдешь с таким характером, мегера в юбке. Колючка! Кактус! Если бы не знал тебя сто лет, то больше не пришел бы. Завтра во сколько встречаемся?

Я проводила друга, закрыла дверь. Стала механически убирать все на кухне, что-то выбросила в помойку, что-то спрятала в холодильник. Пока Андрей был в квартире, вроде было не так тошно. А когда одна осталась, снова накатило. Почему я такая невезучая? У людей Новый год, праздники, новые надежды, мечты! А у меня любимый при смерти, и я под подозрением. Просто класс!

Я пробовала еще несколько раз набрать Стаса, но он не брал трубку. Это было очень странно, может, с ним что случилось? Эти мысли не давали мне покоя! Спала я плохо, все время вздрагивала, вспоминая, как лежал Прохор, а еще камеру в СИЗО, очень не хотелось бы снова там оказаться. Но в одном Андрей прав. Нужно взять себя в руки и думать в другом направлении. Искать настоящего нападавшего. И чем быстрее, тем лучше. Нет, пусть Киря как хочет, но сидя дома я ничего не узнаю. Так дело не пойдет. Понятно, что я под подпиской о невыезде. Но не под домашним же арестом. Нужно поехать к Прохору в хирургическое отделение, узнать, может, были сложные или летальные случаи в его практике? Может, кто отомстить решил? Или отработать версию со случайным алкоголиком, например, которого Прохор, по несчастью, встретил в подъезде! Эти ради бутыл-

ки на все готовы, убить – тоже запросто. Надо узнать, был ли на месте бумажник, не пропали ли деньги? Я была в таком шоке, когда нашла Прохора, что даже не додумалась это проверить! Тоже мне сыщик! Точно состояние аффекта, все как в тумане. Под утро я наконец забылась сном, но поспать мне удалось недолго. Зазвонил будильник. Он, как всегда, будто кричал: «Вставай на пробежку!» Но сил никаких не было никуда бежать.

Глава 2

Я еле пришла в себя утром, Андрей за-ехал в восемь, как договаривались. Выглядел отлично, бодр, свеж, глянул на меня и нахмурился:

– Не спала всю ночь, ревела? Я прав? Надо было не слушать тебя вчера и остаться! Я бы тебе не позволил так над собой издеваться.

Я ничего не ответила, пристегнулась, и мы поехали. Долго ждали доктора, пока он вышел с обхода, ничем он нас не порадовал:

– К сожалению, состояние Ковалева остается очень тяжелым. У него проникающее ранение, задета печень, проведена сложная операция. Большая кровопотеря. Нам пришлось пока ввести его в состояние искусственной комы. Мы делаем все возможное, чтобы стабилизировать важные показатели. Но пока, скажу честно, его жизнь чудом висит на волоске.

Я не могла поверить в услышанное, по моим щекам текли слезы, я причитала:

– Ну может, нужно какое-то лекарство достать? Только скажите! Можно его увидеть, хоть на пару минут, умоляю… Мне очень надо кое-что ему сказать.

Доктор отрицательно покачал головой:

– Извините, но нет. Посещения вообще запрещены. Но для близких родственников мы делаем исключение. Но вы,

насколько я знаю, к ним не относитесь…

Я пыталась объяснить:

– Да, я не родственник, но Прохор мне очень дорог, разрешите мне его навещать. Уверяю, он бы очень обрадовался, если бы знал, что я рядом. Он очень любит меня, и я его. Ну прошу вас, услышьте меня!

Врач нехотя согласился:

– Ладно, я выпишу вам разрешение. Может, и правда это пойдет ему на пользу. Но недолго, ему нужен полный покой.

Я подошла к палате, на топчане спал Стас, свернувшись калачом, я не стала его будить. Тихо вошла. Прохор был сам на себя не похож, белый, под аппаратом, куча трубочек. Я осторожно прикоснулась к его пальцам – они были холодные – и шептала:

– Привет, любимый, прости меня, прости дуру эдакую, прости, что ничего не услышала, что не выскочила раньше в подъезд, что подозревала тебя в измене. Я очень тебя прошу, не умирай, ты нужен мне. Только сейчас до меня дошло, как ты мне дорог. Ты представляешь, они меня подозревают! Думают, что я тебя хотела убить. И я пока не знаю, как доказать обратное. Если бы ты только пришел в сознание, ты бы сказал, кто на тебя напал! Я найду и накажу этого выродка, обещаю. Я буду к тебе приходить, поправляйся.

Слезы душили меня, и я поспешила выйти. Так тяжело осознавать, что еще вчера пышущий здоровьем мужчина лежит сегодня как мумия. И может умереть в любой момент…

Я никак не ожидала, что на меня так накинется Стас! Он проснулся и выговаривал мне:

– Зачем вы пришли сюда? Уходите! И никогда не приходите больше! Это вы виноваты, что папа тут! Он к вам пошел своими ногами! А теперь может умереть! Мне следователь сказал: он вас подозревает! Зачем только папа вообще с вами связался! Я ненавижу вас!

Мне было так обидно, аж дыхание перехватило, я пыталась хоть слово вставить:

– Погоди, Стас, ты что такое говоришь? Ты тоже считаешь, что это я напала на Прохора? Это не так! Ты что? Я люблю его! Я бы никогда ему вреда не причинила!

Но парень толкал меня:

– Вы врете! Он с вами тогда поехал на море – и что? Вернулся как с похорон! Ничего вы его не любите! Используете просто! Я не хочу вас видеть! Никогда!

Такая реакция Стаса меня потрясла, я все же пыталась до него достучаться:

– Ты не в себе, я понимаю, очень переживаешь за отца. Я тоже переживаю не меньше! Но ты знай, если нужна будет помощь, только скажи! Ты бабушке позвонил? Она приедет?

Парень огрызнулся:

– Мне нянька не нужна, я не маленький, сам разберусь! Не приближайтесь больше к моему отцу! Слышите? Никогда!

Андрей еле нас растащил, да и на крики стали сбегаться медики, медсестра ругалась:

– Вы что тут устроили! Дома будете разбираться, кто прав, кто виноват! Тут тяжелые пациенты лежат, это реанимация! Нельзя себя так вести. Иначе доктор всем запретит посещения!

Я извинилась и выскочила на улицу, меня трясло, Андрей успокаивал как мог:

– Ну все, не бери близко к сердцу! Это подросток, его тоже можно понять, отец при смерти, он растерян, ему страшно! Ничего, отойдет.

Но я качала головой:

– Ты не понимаешь, он так на меня смотрел, с такой ненавистью! Стас меня считает убийцей! Вот что страшно! И я не знаю, как его переубедить. Я даже помочь ему не могу, он не подпускает к себе! Господи, что же делать? Слушай, поехали в отделение к Прохору! Мне надо узнать адрес и телефон его матери, я так думаю, Стас ей так и не позвонил. Натворит парень бед, и я себе этого не прощу! Да и потом, я хотела узнать, были ли сложные случаи в практике Прохора. Так что, поедем?

Андрей вздохнул:

– Киря меня убьет точно! Но ты же ведь не отстанешь, верно? Что делать, поехали! Надеюсь, там до драки дело не дойдет! Таня, я тебя не узнаю, правда! Хватит себя мучить и винить в случившемся! Ты тут вообще ни при чем! Может, это вообще нелепая случайность. Нападавший обознался, допустим! Пока ты истеришь и накручиваешь себя, твой

мозг не работает! Ты ведь хочешь помочь своему доктору? Вот и возьми себя в руки уже! Соберись! Ты же боец, всегда была такой!

Слова Андрея немного привели меня в чувство, я утерла текущие слезы, пыталась успокоиться. В хирургическом отделении, как всегда, было суетно. По коридору везли пациентов то на каталках, то на инвалидных колясках, ходячие сами сновали туда-сюда. Куча медиков пробегали мимо, я даже растерялась. К кому же обратиться?

И тут нас заметила постовая медсестра, тут же подскочила, стала ругать:

– Куда без халата и бахил? Кто вас вообще сюда пропустил? Часы посещения еще не начались. Вам сюда нельзя! Вы по какому вопросу вообще? Если передать кому передачку, то давайте быстрее, помогу!

Я стала сбивчиво объяснять суть нашего визита:

– Нет, я не по этому делу. Меня зовут Татьяна Иванова, я, э-э… Невеста Ковалева Прохора Игнатьевича. Вы же знаете, что с ним случилось. Мне бы с кем-то побеседовать из его близких друзей или коллег! Я, к своему стыду, никого не знаю. И еще мне нужно узнать телефон его матери, нужно ей сообщить, пусть приедет.

Медсестра сразу погрустнела:

– Да, мы все очень переживаем за нашего любимого доктора! Без него тут совсем теперь зашиваемся! Вы пока вниз спуститесь, в фойе, простите уж, но нельзя сюда посторон-

ним, а то и мне влетит. А я найду Федора Ивановича, это его коллега и друг, думаю, он вам поможет.

Мы спустились вниз, ждать пришлось довольно долго, я уж было подумала, что медсестра попросту закрутилась и про меня забыла. Наконец к нам подошел пожилой измученный доктор, грузно сел на скамейку, та жалобно скрипнула под его весом. Мужчина представился и начал говорить:

– Мы сами в шоке! Ума не приложу, кому мог перейти дорогу Прохор! Много лет с ним бок о бок трудимся, всякое было, но он всегда отличался позитивом, добротой, по натуре не скандальный. Золотой человек, что и говорить, без него как без рук! Мы все надеемся, что Прохор в ближайшее время пойдет на поправку, нам его очень не хватает. Телефон матери его вот, держите. Зовут ее Анна Андреевна. Не знаю, чем еще могу быть вам полезен.

Я стала уточнять:

– Скажите, может быть, были в практике Прохора сложные случаи? Ну там, допустим, с летальным исходом? Может, по этой линии покопать?

Федор Иванович нахмурился, подумал, потом хлопнул себя по лбу:

– Точно! Был один случай! Привезли паренька, лет восемнадцать, суицидник, практически не жилец, так вены себе искромсал, кровью истек, думали, не спасем! Прохор тогда так ювелирно его заштопал, очень старался горемыке жизнь спасти. Ну мы обязаны были сообщить в полицию,

это не шутки, сами понимаете. Но тут примчалась его мать, на минутку эстрадная поп-звезда, тогда еще местного разлива, некая Каролина Перл. Стала умолять Прохора ничего никуда не сообщать, деньги совала, причем немалые. Но друг мой не тот человек, никогда взятки не брал. Так бы давно уже жил как король! Отказал певичке этой и сообщил данные в полицию и психдиспансер. Паренька должны были там долечивать, чтобы избежать повторения суицида. Так эта ненормальная дамочка такую истерику устроила, угрожала отомстить, кричала, что Прохор сломал ей жизнь и карьеру! Что все узнают о позоре сына и ей не прорваться на большую сцену! Вот разве что она, может, решила отомстить или сынок ее, не знаю. Других подобных случаев скандальных не припомню…

Я, как ищейка, встала в стойку и тут же стала умолять:

– Вы мне можете по СМС прислать данные этого парня? Умоляю! Я постараюсь все проверить! Хочу найти и наказать этого ублюдка, кто сотворил такое с Прошей.

Федор Иванович замялся:

– Вы извините, пора бежать, консилиум, удачи вам! Данные пришлю, в обеденный перерыв попрошу медсестру, она найдет все.

Доктор убежал, а я стала настраиваться на звонок матери Прохора. Разговор предстоял тяжелый! Как его вести, как вообще такое сказать, я не представляла!

Андрей сочувственно на меня посмотрел:

– Не мучайся, если хочешь, давай я сообщу. Она должна знать, что случилось с сыном.

Я отрицательно покачала головой:

– Нет, я сама! И так впутала вас с Кирей в эту историю! Спасибо тебе, Андрюша! Тратишь на меня свой отпуск, возишься. Таких друзей больше нет, как вы, проверенных.

С волнением я стала набирать номер матери Прохора, услышала тихий женский голос:

– Алло, я вас слушаю! Кто это?

Я набралась сил и стала говорить:

– Добрый день, Анна Андреевна. Я невеста вашего сына, Прохора. У меня плохие новости. Ваш сын попал в беду. Какие-то отморозки напали на него прямо в подъезде, когда он шел ко мне отмечать Новый год. Прохор в очень тяжелом состоянии, в больнице! Я умоляла Стаса вам позвонить. Но он не стал. Понимаете, ваши помощь и поддержка нужны сейчас и Прохору, и Стасу! Вы можете приехать?

Женщина охнула, еле выговорила:

– О господи! Да за что же моему сыну такие испытания! Конечно, я еду! Сейчас побегу на вокзал брать билеты!

Я облегченно вздохнула:

– Спасибо вам, напишите, когда и во сколько приезжаете. Мой друг встретит вас на вокзале и отвезет к сыну!

Мне немного полегчало. Завтра приедет Анна Андреевна, и Стас хоть будет под присмотром. Мне совершенно не нравилось его эмоциональное состояние. Парень был прак-

тически невменяем от обрушившегося на него горя. С таким настроем и взрослый-то человек способен натворить дел, а уж подросток тем более.

Наконец прибыли ко мне домой, я тут же засела за ноутбук и искала все, что могла, об этой Каролине. Андрей пошел готовить обед. Ему это дело, видимо, действительно было по душе, вскоре из кухни поползли очень аппетитные ароматы! Информации об этой звездульке почти что не было, видимо, не так уж она и популярна, как мнит о себе. Все данные старые, им больше года. На фото и видео эффектная, вызывающе одетая, а вернее, почти раздетая певичка. Все как у всех: грудь силиконовая, губы на пол-лица, пирсинг в носу. Волосы дикого сиреневого цвета. Песни такого же содержания, ни о чем. Клип больше напоминает порноролик. Уж так эта фифа там извивается да раздвигает ноги, смотреть противно. Однако, прочитав информацию о ней, я прыснула со смеху. В жизни деваху звали Галина Огурцова. Детские фото тоже не восторг: лопоухая, с конопушками, упорешься, как подумаешь, сколько же деньжищ кто-то вложил в эту серость, чтобы вышла в свет Каролина. Место прописки действительно город Тарасов, я списала адрес. А вот о ее сыне и вообще о его наличии ни слова! Нигде. Да и о ней самой тоже нет свежих данных. Я решила проверить в первую очередь ее домашний адрес, а потом съездить в наш местный Дом культуры: если она там выступала неоднократно, то должны же о ней что-то знать сотрудники.

Однако мой порыв был прерван стуком в дверь. Я пошла открывать. На пороге стоял Киря, он поздоровался и сразу стал ругаться:

– Ну привет, неугомонная! Ну зачем тебя понесло в больницу? Скажи! И там отличилась, шум подняла! Я же сказал дома сидеть и нос никуда не высовывать! Что непонятно?

Я чуть не расплакалась снова:

– Не ори на меня! Как будто сам не понимаешь почему? А если б с твоей женой такое? Ты бы сидел дома, скажи честно? То-то! И я не могу. Проходи, там Андрюха что-то волшебное готовит, я скоро как бульдог слюной изойду! Расскажи лучше, по делу есть хоть какие-то подвижки?

Киря вымыл руки, сел на кухне, стал рассказывать:

– В том-то и дело, Танюша, что нет у нас подозреваемых от слова «совсем» и зацепок тоже. Я погнал вчера Илюху на поквартирный обход, он правда старался, но никакого толку. Все были заняты подготовкой к Новому году и не обращали вовсе никакого внимания, что там в подъезде! Мало того, сама понимаешь, то тут, то там взрывались петарды, салюты. Та соседка, что первая нашла тело Прохора, утверждает, что забыла купить кукурузу консервированную для салата. Вот и побежала в магазин так поздно. Муж ворчал, что как же так, невозможно представить Новый год без любимого блюда. Так вот, уходила она примерно в половине двенадцатого в круглосуточный магазин, никак не ожидала, что там будет такая давка за спиртным. Выходит, что и бой курантов там

же встретила, в магазине, проклиная муженька на все лады. Провела она в очереди час. И вернулась в половине первого ночи. Тело уже лежало! Мое мнение – это не спонтанное покушение. Очевидно, что нападавший все спланировал. Ведь именно в полночь, когда бьют куранты, очень малая вероятность, что кто-то будет бегать по подъездам! Но вот вопрос: почему Прохор так поздно шел к тебе? Ты же говоришь, вы договаривались в девять встретиться? И утверждаешь, что он педант, то есть очень пунктуальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.